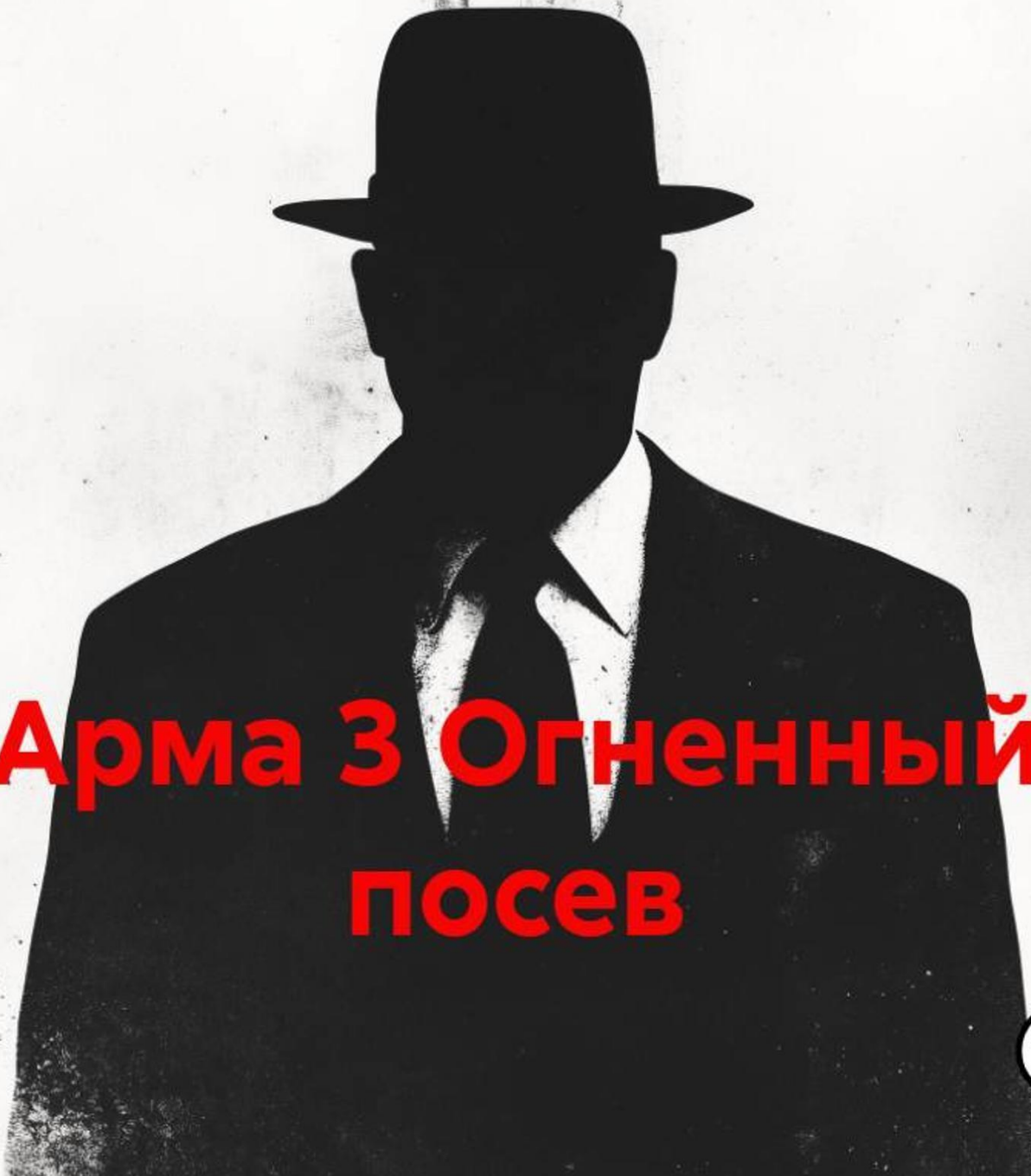

Александр Восьмой

A black silhouette of a man wearing a suit, white shirt, tie, and a fedora-style hat. The silhouette is centered against a light, textured background.

Арма 3 Огненный
посев

18+

Александр Восьмой
Арма 3 Огненный посев

«Автор»

2026

Восьмой А.

Арма 3 Огненный посев / А. Восьмой — «Автор», 2026

Окраина сломлена у стен Кудаша. Но не разбита. Её войска откатились к границе и закрепились в Серой Пуще — болотном лесу, куда не доходит мина, где порох отсыревает за ночь, а солдаты Мазаракша тонут в трясине на второй день. Хан Мазаракша приказывает Арлану — уже не сыну мельника, а командиру огневой сотни — штурмовать Серую Пущу и взять город Воротск, столицу приграничья. Четыре расчёта, двадцать стволов, сто двадцать бойцов против засадной армии Окраины, которая знает каждое дерево. Здесь Арлан теряет Бакая. Старый наводчик уходит в болото, чтобы вывести миномётный расчёт из засады, и не возвращается. Его «Куйрук» — ржавый, дышащий, живой — остаётся без наводчика. Сайра, которая выросла с ним с двенадцати лет, берёт прицел на себя. В Серой Пуще Арлан находит то, чего не искал: доказательство, что Окраина и Мазаракш были одной страной. Разделённые не войной — а одной ночью, одним приказом, одной ложью, записанной в ханском архиве.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Арма 3 Огненный посев

Глава 1. Пепел у ворот Кудаша

Ветер гнал по улицам Кудаша серый пепел — будто сама земля стёрла память о городе. Арлан стоял на стене, где ещё вчера трещали тетивы окраинских луков, а теперь только ветер гудел в расщелинах камня. Восток манил и пугал одновременно: туда ушёл враг, оставив после себя тишину, которая звучала громче любого боя.

В кармане тяжело лежала грамота хана — пергамент с новой печатью, пахнувший дымом и воском. На нём всего одно слово: «Воротск». Оно звенело в голове, как удар колокола. Война не кончилась — она просто сменила декорации. Теперь её сценой становился лес.

Кудаш пал не от стрел и не от мечей — его сломала мина. Тяжёлый чугунный шар, упавший с неба, разорвал привычный порядок вещей. И теперь Окраина, сложенная у своих стен, откатывалась в Серую Пущу — в болото, где деревья росли из воды, а земля дышала сыростью. Там порох отсыревал за одну ночь, а сапоги вязли в трясине уже на второй день пути.

Арлан смотрел на восток и видел не просто лес — он видел ловушку. Двадцать стволов, четыре расчёта, сто двадцать бойцов — против земли, которая знала каждый их шаг раньше, чем они его делали. Против армии, выросшей среди этих болот, читавшей следы на воде и слышавшей шёпот ветра как приказ.

— Командир, — голос Сайры прозвучал рядом, тихий, но стальной. — Мы не можем стоять здесь. Они уже готовят засаду у переправы.

Он кивнул, не отрывая взгляда от горизонта. В её словах не было паники — только холодная ясность человека, который вырос среди войны. Сайра знала эти места лучше многих: с двенадцати лет она бегала по этим тропам, училась различать шаги по звуку капель и прятаться в тени деревьев. Теперь она стояла рядом — не девочка, а боец, готовый к бою.

Где-то впереди, в глубине Серой Пущи, ждал Воротск — столица приграничья, последний оплот Окраины. И Арлан знал: чтобы взять его, придётся не просто стрелять и наступать. Придётся понять эту землю, почувствовать её ритм, услышать то, что она шепчет сквозь туман.

Ветер снова рванул плащ, швырнув в лицо горсть пепла. Арлан сжал кулаки. В этом пепле была вся история Кудаша — и предупреждение для Воротска. Он не мог позволить себе проиграть здесь. Не только потому, что этого хотел хан. А потому, что за его спиной стояли люди, которые верили: даже в самой тёмной пуще можно найти дорогу.

Он повернулся к отряду, голос прозвучал твёрдо, как удар молота по наковальне:

— К рассвету будем у переправы. Держите стволы сухими. И не доверяйте тишине — она здесь лжёт.

Отряд двинулся вперёд, растворяясь в сумерках, словно тени, вернувшиеся домой. А пепел всё летел и летел, покрывая камни Кудаша тонкой серой вуалью — будто сама история пыталась стереть следы того, что здесь произошло. Но Арлан знал: некоторые следы не стираются. Они становятся легендами.

Глава 2. Серая Пуща

Серая Пуща не просто встречала их — она испытывала. Каждый шаг давался ценой: сапоги увязали в чёрной жиже, стволы миномётов тяжелели от влаги, будто лес тянул их вниз, в трясину, где не было ни прошлого, ни будущего — только вязкая, равнодушная тишина. На картах хана этот лес значился как «непроходимое» — и теперь Арлан понимал, что это не предупреждение, а приговор тем, кто не умел слушать землю.

Первый привал обернулся поражением без единого выстрела. Миномёты осели в болоте, словно усталые звери, отказываясь подниматься. Порох, ещё вчера казавшийся надёжным,

теперь рассыпался в пальцах серой пылью — бесполезной, как забытые клятвы. Фитили, скрученные с такой тщательностью, за ночь пропитались сыростью и больше не хотели гореть. Даже огонь здесь становился предателем.

— Командир, — голос Сайры дрожал, но не от страха, а от напряжения, — разведка не вернулась. Тропа, по которой мы шли, теперь ведёт в никуда.

Арлан кивнул, не отрывая взгляда от густого тумана, стелющегося над водой. Он знал: в Серой Пуще тропы не просто исчезали — они меняли направление, когда никто не смотрел. Лес играл по своим правилам, и каждый, кто пытался навязать ему чужие, платил сполна.

Где-то впереди, в этой серой мгле, растворился Бакай. Старый наводчик ушёл в болото, чтобы вывести расчёт из засады, и не вернулся. Его «Куйрук», ржавый и живой, теперь стоял без хозяина, будто ждал, что Бакай вот-вот выйдет из тумана, отряхивая с плаща капли воды. Но Бакай не было. Вместо него рядом с миномётом стояла Сайра — девочка, выросшая среди войны, теперь ставшая тем, кем должна была стать: наводчиком. Её пальцы уверенно легли на прицел, и в этом жесте было больше решимости, чем в сотне приказов.

— Держи прицел ровно, — тихо сказал Арлан, и в его голосе прозвучала не команда, а просьба. — Здесь нельзя торопиться. Пуща любит тех, кто идёт медленно.

Сайра кивнула, не отрываясь от прицела. Её глаза, привыкшие различать тени среди деревьев, теперь искали не врага, а путь — тонкую нить, которая могла вывести их из этого кошмара.

Внезапно воздух дрогнул — не от грома, а от чего-то более древнего, будто сама земля вздохнула. Из тумана вынырнули силуэты — не люди, а тени, слившиеся с лесом. Засадная армия Окраины не нападала — она просто становилась частью пейзажа, неотделимой от деревьев и воды. Стрела просвистела над головой Арлана, вонзилась в ствол дерева и замерла, дрожа от собственной силы. Это был не выстрел — это был голос леса, сказавший: «Вы здесь чужие».

— К бою! — крикнул Арлан, и его голос, твёрдый и резкий, разорвал влажную тишину. — Держите строй! Не дайте им разорвать цепь!

Бой вспыхнул, как сухая трава, хотя порох отказывался гореть. Солдаты Мазаракша сражались не столько с врагом, сколько с самой землёй, которая хватала их за ноги и тянула вниз. Каждый шаг стоил крови, каждый вздох — усилий. Но среди этого хаоса была одна точка опоры — Сайра у «Куйрука». Она не смотрела на врага — она смотрела сквозь него, в ту даль, где должен был быть Воротск. И когда миномёт, вопреки всему, наконец выстрелил, звук его был не торжествующим, а отчаянным — криком, прорвавшимся сквозь толщу воды и тумана.

Когда дым рассеялся, перед ними открылась небольшая поляна — круглая, будто вырезанная в самом сердце леса. На её краю, наполовину погружённый в воду, лежал старый сундук, покрытый мхом и ржавчиной. Арлан подошёл к нему, чувствуя, как земля под ногами становится твёрже. Замок был сломан, крышка приоткрыта, а внутри, среди пыли и паутины, лежала пожелтевшая грамота — не приказ хана, а что-то гораздо старше. На пергаменте, едва различимом под слоем времени, был оттиск двойной печати: Мазаракш и Окраина — две стороны одной монеты, давно забытой.

Арлан взял грамоту, чувствуя, как холод металла проникает сквозь пальцы. Это было не доказательство — это было откровение. Окраина и Мазаракш не были врагами, рождёнными войной. Они были осколками одной страны, расколотой не на поле боя, а в тишине кабинета, одним приказом, одной ложью, записанной в ханском архиве. И человек без лица из совета хана — он был не из Мазаракша. Он был из того времени, когда страны были едины, а лес не делил людей на своих и чужих.

— Мы нашли не путь к Воротску, — тихо произнёс Арлан, глядя на грамоту. — Мы нашли причину, почему этот путь вообще существует.

Сайра подошла ближе, её глаза расширились от понимания.

— Значит, всё это... не просто война, — прошептала она. — Это память, которую кто-то хочет стереть.

Арлан сложил грамоту и спрятал её в нагрудный карман, рядом с сердцем. Теперь он знал: чтобы взять Воротск, ему придётся не просто сражаться с армией Окраины. Ему придётся сражаться с самой историей — с той её частью, которую кто-то старательно прятал в болотах Серой Пуши.

Туман снова сгустился, скрывая поляну, будто её никогда и не было. Но грамота в кармане Арлана была настоящей. И её тяжесть напоминала: правда не тонет в болоте. Она просто ждёт, когда её найдут.

Глава 3. Двадцать стволов

Костёр догорал, роняя искры в чёрную воду. Пламя уже не грело — оно лишь отвоёвывало у Серой Пуши крошечный круг света, в котором стояли командиры расчётов: усталые, промокшие, с лицами, покрытыми болотной грязью и пеплом. Арлан смотрел на них не как на подчинённых, а как на людей, чьи жизни теперь висели на одной тонкой нити — на его решении.

— Мы не армия, — голос Арлана звучал ровно, без пафоса, будто он просто констатировал факт, который все и так знали. — Мы огневая сотня. Наше дело — не меч, а минный след. Дойдём — расчистим путь. Не дойдём — ляжем в трясину, и нас не найдут.

В этих словах не было ни угрозы, ни бравады — только холодная честность, которая крепче любой клятвы. Командиры кивнули: они не ждали красивых обещаний. Они ждали приказа, за которым можно пойти, даже если он ведёт в болото.

Двадцать стволов — двадцать железных глоток, готовых выплюнуть смерть в темноту. Но сейчас они молчали. Порох был сырым, фитили — бесполезными, а лес вокруг дышал так тяжело, будто сам готовился к удару. Каждый ствол казался не оружием, а проклятием: тяжёлым, упрямым, почти живым.

Сайра стояла у «Куйрука», привычно проверяя прицел. Её движения были точными, лишёнными суеты — будто она не готовилась к бою, а настраивала музыкальный инструмент. После гибели Бакая миномёт будто стал её продолжением: ржавый, дышащий, живой. И теперь он ждал её руки, её голоса, её команды.

— Держи темп, — тихо сказал ей Арлан, проходя мимо. — Если лес попытается нас заглушить, мы будем говорить громче.

Она подняла на него глаза — в них не было страха, только сосредоточенность человека, который знает цену каждому выстрелу.

— Мы сможем, — просто ответила она. — Если не будем спешить.

Арлан кивнул и повернулся к отряду. Перед ним стояли сто двадцать человек — и каждый третий знал, что из Пуши ещё никто не выходил с победой. Но именно это знание делало их опасными: они не надеялись на чудо, они рассчитывали на сталь, на дисциплину, на тот самый минный след, который должен был проложить им дорогу сквозь мрак.

Внезапно туман впереди дрогнул — не от ветра, а от чьего-то движения. Тени скользили между деревьями, сливаясь с сыростью, становясь частью леса. Засадная армия Окраины не спешила нападать — она выжидала, позволяя болоту делать свою работу: тянуть силы, размышлять решимость, превращать каждый шаг в испытание.

— Расчёты, к бою! — голос Арлана ударил по тишине, как молот по наковальне. — Первый залп — по координатам Сайры. Держать дистанцию. Не давать им подойти ближе.

«Куйрук» первым ответил на команду — его грохот прокатился по Пуше, разрывая густую тишину, словно молния расколола небо. Мина ушла в темноту, и через мгновение где-то впереди вспыхнул оранжевый цветок взрыва, на секунду высветив переплетение ветвей, воду и мечущиеся тени.

Второй залп последовал за первым, третий — за вторым. Двадцать стволов заговорили разом, и их голос был громче, чем дыхание леса. Болото сопротивлялось: оно гасило звук, сглаживало удар, пыталось спрятать цель в тумане. Но мины падали, оставляя после себя воронки, которые становились новыми ориентирами, новыми точками опоры в этом враждебном мире.

С каждым выстрелом строй становился крепче. Солдаты Мазаракша перестали быть просто людьми — они стали механизмом, где каждый знал своё место и свою задачу. Здесь не было героев — были расчёты, стволы, команды и секунды, которые решали всё.

Когда дым от последнего залпа растворился в сыром воздухе, перед ними открылась узкая просека — не природная, а созданная их огнём. Она вела вперёд, к Воротску, обещая не победу, а возможность дойти.

Арлан остановился на краю этой искусственной дороги, вглядываясь в темноту впереди. Он знал: враг не отступил — он затаился, готовясь ударить в тот момент, когда они решат, что победили. Но сейчас у них был шанс — узкий, хрупкий, но настоящий.

— Продвигаемся вперёд, — приказал он, и в его голосе прозвучало не торжество, а ответственность. — Держим строй. Держим стволы сухими. И не смотрим назад — там только болото.

Отряд двинулся по просеке, оставляя за спиной догорающие угли костра и тишину, которую теперь можно было назвать только одним словом — передышка. Впереди ждала новая схватка, новые тени, новый взрыв. Но сейчас у них была дорога. И двадцать стволов, готовых её защищать.

Глава 4. Засадная война

Окраинцы не стояли в строю. Они не имели строя — они имели лес.

Первый расчёт потерял тройку бойцов за четверть часа. Тихо, без единого выстрела. Первый ушёл в чёрную воду, оступившись на корне, который оказался не корнем, а рукой. Второго сняла петля — сыромятный ремень, затянутый из темноты так быстро, что он даже не вскрикнул, только булькнул, уходя под воду. Третьего нашли у дерева — с топором в спине, лицом к своим, будто он обернулся позвать на помощь.

Бесшумно. Безымянно. Так, будто сам лес убивал, а не люди.

Арлан стоял над телом третьего и смотрел на деревья. Они были везде — высокие, кривые, опутанные мхом, похожие на великанов, застывших в вечном поклоне. И за каждым стволом мог быть кто-то. Или не быть. И разница между этими двумя вещами здесь стоила жизни.

— Миномёт? — спросил Касым, командир первого расчёта. Его голос дрожал — не от страха, а от ярости, которую некуда было направить.

— Бесполезен, — Арлан ответил тихо, почти шёпотом. — Враг в трёх шагах. Мина не успеет уйти, не успеет лечь. Мы убьём себя раньше, чем их.

Это была правда, которую каждый из них чувствовал, но боялся произнести. Миномёт — господин на открытом поле, под стенами города, в чистом небе. Но здесь, в Серой Пуще, где туман лип к коже, а деревья росли так близко, что стволы задевали друг друга ветвями, — здесь мина была не госпожой. Она была помехой. Тяжёлой, громоздкой, мёртвой.

Здесь господствовала тишина.

И тишина убивала вернее, чем любой порох.

Арлан собрал командиров. Не у костра — огонь здесь был приговором, маяком для каждой стрелы в радиусе полёта. Он собрал их в тени поваленного дерева, в трясине, где вода доходила до колен. Они стояли, как тени, и слушали.

— Меняем тактику, — сказал он, и голос его был ровен, будто читал устав. — Миномёты — в тыл. На расстояние, откуда можно бить по площадям, не видя цели. Туда, где лес редет и мина может дойти. Передовой отряд — ножи, топоры, верёвки. Всё, что тихо.

Касым мотнул головой:

— Мы огневая сотня, а не лесовики.

— Мы были огневой сотней, — ответил Арлан. — Здесь мы — охотники. Или дичь. Третьего не дано.

Сайра молчала. Она стояла у «Куйрука», который теперь оттащили вглубь, на сухой пяточок между двумя корнями-великана. Её задача изменилась: больше не целиться, а слушать. Она выросла в этих местах, и туман говорил с ней на языке, которого мазаракшцы не понимали. Шорох воды слева — значит, движение. Тишина справа — значит, ждут. Запах гнили и дым — значит, близко.

— Они начнут с флангов, — сказала она тихо, не поднимая глаз. — Мелкими группами. По два, по три. Ножи, удавки. Подойдут так близко, что почувешь дыхание. И уйдут, прежде чем ты поднимешь руку.

— Откуда знаешь? — спросил Касым.

— Потому что я бы так делала, — ответила Сайра. И в этом не было хвастовства — только холодное признание очевидного.

Ночь накрыла Пущу плотным, непроницаемым пологом. Арлан выставил тройные караулы и не спал — сидел у дерева, сжимая рукоять ножа, и слушал, как лес дышит. Где-то справа хрустнула ветка — или показалось. Слева — плеск, будто кто-то осторожно ступил в воду. И снова тишина, такая густая, что в ней тонуло биение собственного сердца.

Он понял главное: окраинцы не воевали — они жили здесь. Каждый корень, каждая трясина, каждый туманный просвет были для них домом, а для мазаракшцев — могилой, которая ещё не раскрылась. И единственным оружием против дома было знание.

— Научите меня читать этот лес, — сказал он Сайре на рассвете, когда туман стал серым, как старая марля. — Я не поведу людей на смерть из гордости.

Сайра посмотрела на него — впервые за эти дни без маски бойца, без прицельной сосредоточенности. Просто девочка, которая выросла в войне и не знала другого дома.

— Этот лес не читают, — сказала она. — Его слушают. Каждое дерево скрипит по-своему. Если скрип чужой — значит, кто-то трогает ствол. Если вода затихла там, где должна журчать — значит, кто-то стоит в русле.

Она замолчала, будто решаясь.

— Я научу. Но ты должен обещать: когда мы дойдём до Воротска, ты не будешь мстить.

— Почему?

— Потому что они не враги. Они — такие же, как мы. Только по другую сторону одной лжи.

Арлан не ответил. Ложь, которую он нашёл в сундуке, всё ещё лежала в его кармане, тяжёлая и холодная. Две печати. Одна страна. Один раздел.

Туман снова сгустился, и из него — беззвучно, без крика — вышел очередной боец первого расчёта. Только вышел не весь: его нашли верёвкой, обвязанной вокруг шеи, без признаков борьбы. Чисто, тихо, профессионально.

Пуща брала своё. И Арлан понял: чтобы выйти отсюда, ему придётся перестать быть командиром огневой сотни и стать кем-то другим — кем-то, кто умеет слышать деревья. Иначе двадцать стволов и сто двадцать бойцов станут ещё одной легендой Серой Пущи — о тех, кто вошёл, но не вышел.

Тишина была его новым врагом. И его новым учителем.

Глава 5. Бакай уходит в болото

Засада ударила внезапно — не грохотом, а тишиной. Второй расчёт, который ещё на рассвете казался надёжным звеном цепи, вдруг оборвался: между ним и основными силами выросла стена из тумана и стрел. Деревья сомкнулись, как пальцы, сжимающие горло, и в этой хватке каждый шорох звучал как приказ к атаке.

Арлан видел, как бойцы второго расчёта метались между стволами, пытаясь удержать строй, но лес не давал им пространства — он отнимал его, шаг за шагом, превращая привычную тактику в бесполезную привычку. И в этот момент из гущи вышел Бакай — старый наводчик, человек, который держал прицел с первого дня войны, когда мины ещё казались чудом, а не проклятием.

Он не просил разрешения. Не ждал приказа. Просто подошёл к Арлану, положил на землю верёвку, мачете и флягу с кумысом — будто выкладывал перед ним всю свою жизнь, уместившуюся в трёх предметах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.